

ПЕРЕВОДЫ

УДК 81'27
ББК 81

Дебора Таннен
Джорджтаун, США

Deborah Tannen
Georgetown, USA

**ОТВЕДЕНИЕ И ИДЕНТИЧНОСТЬ
В СЕМЕЙНОЙ ИНТЕРАКЦИИ:
ЧРЕВОВЕЩАНИЕ КАК КОСВЕННОСТЬ**

Аннотация. С целью достижения более широкого понимания косвенности во взаимодействии автор возвращается к понятию отведения Бейтсона (психический процесс, при котором значение создается по аналогии) и трем соответствующим теоретическим концепциям: политропии Фридриха, языковой деятельности Беккера и диалогичности Бахтина – все они входят в общую теорию интертекстуальности. Для того чтобы показать, как эти понятия помогают понять механизмы косвенности в диалогическом общении, автор приводит примеры семейных диалогов, в которых один из членов семьи говорит от имени и голосом другого (автор называет это чревовещанием). Чревовещание создает смысл путем отведения, когда говорящий заимствует идентичности других и тем самым временно присваивает себе характеристики, ассоциированные с теми, чьи голоса он изображает. Таким образом, отведение понимается как тип косвенности, широко распространенный в речевом общении.

Ключевые слова: косвенность, идентичность, семейный дискурс, интертекстуальность, чревовещание, диалог, отведение, диалогичность, оформление.

Оригинал: Tannen D. Abduction and identity in family interaction : Ventriloquizing as indirectness // *Journal of Pragmatics*. 2010. № 42. P. 307–316.

Сведения об авторе: Таннен Дебора, профессор департамента лингвистики университета в Джорджтауне.

Контактная информация: <http://www9.georgetown.edu/faculty/tannend/>
E-mail: tannend1@georgetown.edu

**ABDUCTION AND IDENTITY IN FAMILY
INTERACTION: VENTRILOQUIZING
AS INDIRECTNESS**

Abstract. With a view toward developing a more inclusive understanding of indirectness in interaction, author returns to Bateson's notion of abduction (a mental process by which meaning is created by analogy) and three related theoretical frameworks: Friedrich's polytrophy, Becker's prior text, and Bakhtin's dialogicality – all theories of intertextuality. In order to show how these concepts help us understand the workings of indirectness in interaction author considers examples of family interaction in which one family member speaks in the voice of another, a phenomenon she calls ventriloquizing. Ventriloquizing creates meaning by abduction, as speakers borrow others' identities and thereby temporarily assign to themselves characteristics associated with those whose voices they borrow. Abduction can therefore be understood as a type of indirectness – one that is pervasive in interaction.

Key words: indirectness, identity, family discourse, intertextuality, ventriloquizing, dialogue, reported speech, abduction, dialogicality, framing.

About the author: Tannen Deborah, Georgetown University, Linguistics Department, Professor.

1. Введение: косвенность в дискурсе

Косвенность была в центре внимания лингвистической теории начиная с самых ранних работ по дискурсивному анализу. Например, Робин Лакофф [1–3] отмечает, что говорящие редко выражают свои мысли буквально, предпочитая косвенность для достижения коммуникативных целей защищенности и гармонизации. Защищенность, которую Лакофф характеризует как дистан-

цирующую стратегию вежливости, позволяет говорящему снять с себя ответственность, если высказывание вызывает негативную реакцию. То есть некто может впоследствии утверждать: «Я этого не говорил». Гармонизация, в соответствии с «товарищеским» стилем вежливости, означает приятное чувство единения в результате того, что ты был понят или твои желания были исполнены без выражения твоего смысла в словах.

© Tannen D., 2010

© Дементьев В.В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский государственный университет, 2014

В моей ранней работе [4] я показала, что семейные ссоры могут проистекать из-за несоответствия стилей вежливости, в рамках которых один из супругов использует и интерпретирует косвенность в тех контекстах, где другой этого не делает. Так, например, муж интерпретирует информативные вопросы своей жены как косвенные побуждения и любезно их выполняет. Он также выражает свои собственные пожелания косвенно и сердится, когда жена игнорирует их. Другими словами, он делал намеки, а его жена не поняла их: намеки были прозрачны для него, но непрозрачны для нее.

Сделать намек, не понять намек – общепотребительные выражения, которые отражают широко распространенное представление, что разговор часто заходит в тупик, потому что говорящие по-разному понимают вежливость и, следовательно, косвенность. Например, в более поздней работе [5] я анализировала обмен репликами между мужем и женой, сидящими за столиком в ресторане. Муж, просматривая меню, заявляет: «Я буду стейк». Его жена отвечает: «Ты видел, у них есть лосось? Ты же любишь лосося». На это муж протестует: «Ты не могла бы прекратить критиковать, что я ем?».

Его жена протестует, в свою очередь: «Я не критикую. Я просто обращаю внимание на то, что тебе понравилось бы».

Косвенностью отмечен каждый шаг этого разговора. В жалобе мужа содержится предположение, что вопрос жены: «Ты видел, у них есть лосось?» косвенно указывает на то, что она не согласна с его высказанным выбором: она думает, что он не должен был есть стейк. Хотя жена отрицает, что она подразумевала критику выбора мужа, ее объяснение смысла ее реплики также предполагает косвенность. Она признает, что ее вопрос не был в буквальном смысле вопросом о том, как внимательно он читал меню, но, скорее, предположением, что он изменит свой заказ. Тем не менее она утверждает, что ее мотивация была не в критике, а в том, чтобы принести пользу мужу, обращая его внимание на что-то, что ему понравилось бы. Большинство читателей (и сама жена, когда мы обсуждали с ней это) интерпретировали предположение, что он изменит свое мнение о том, что заказать, как косвенную критику, хотя они также признают (как это сделал муж, когда мы обсуждали с ним это), что ее мотивацией была забота о его здоровье. Я подчеркиваю в своем анализе, что обе интерпретации являются верными и сосуществуют. Вопрос жены косвенно подразумевает критику выбора мужем стейка, и он также кос-

венно подразумевает заботу о его благополучии.

Хотя такие исследования косвенности в разговорной интеракции были и являются широко распространенными в области дискурсивного анализа, в последние годы я склонна считать косвенность еще более сложным, интригующим, а также центральным языковым механизмом в общении. В последнее время [6] я рассматриваю ее с точки зрения интертекстуальности (продолжение моего давнего интереса к повторам) и, более терминологично, с точки зрения того, что Бейтсон [7] называет *отведением* (*abduction*): фундаментальный ментальный процесс, при котором значение формируется по аналогии или по ассоциации – «шаг в сторону» – в отличие от дедукции и индукции, которые являются линейными. Эти проблемы находятся в центре внимания в настоящей статье.

1.1. Краткий обзор

Этот параграф я начну с описания понятия *отведения* (*abduction*) Бейтсона, затем, приняв это как базу, трех взаимосвязанных теоретических концепций: *политропии* (*polytrophy*) Фридриха, *языковой деятельности* (*linguaging*) Беккера и *диалогичности* Бахтина. Все четыре концепции попадают в поле интертекстуальности, поскольку исходят из того, что текущий случай дискурса получает смысл путем отнесения к предыдущим экземплярам дискурса. После формулирования теоретической базы я обращусь к анализу семейной интеракции. Взяв материал из исследования, в котором участники записывали свои собственные частные беседы, я представляю примеры явления, которое называю *чревоуещанием* (*ventriloquizing*) – случаи, когда члены семьи строят свои высказывания, изображая голоса других. Я утверждаю, что при чревоуещании говорящий заимствует аспекты чужой идентичности с целью присвоить себе характеристики, ассоциированные с этими другими людьми. Чревоуещание осуществляется путем отведения, поскольку оно формирует значение по ассоциации. Поскольку это значение скорее имплицитно, чем эксплицитно, это тоже косвенность.

1.2. Отведение

В работе «Мышление и природа» [7] Бейтсон настаивает на том, что мышление является неотъемлемым от мира природы. И природа, и мышление, показывает он, понимаются через «образцы, которые связывают» – фраза, которая занимает центральное место в его логике и которую он считает

«вторым возможным названием для этой книги» [7 : 8]. Бейтсон предлагает термин *отведение*, чтобы описать, как мы понимаем мир природы и самих себя по отношению к миру. Он определяет *отведение* как «осуществляющееся по принципу “шаг в сторону” расширение абстрактных компонентов» [7 : 157] и определяет его как способность:

«...описывать некоторые события или вещи (например, человека, бредущего перед зеркалом), а затем искать по всему миру другие случаи, соответствующие тем же правилам, которые мы сформулировали для нашего описания. Мы можем посмотреть на анатомию лягушки, а затем посмотреть вокруг, чтобы найти другие примеры тех же абстрактных отношений, повторяющихся в других существах, включая, в данном случае, самих себя» [7 : 157].

Проиллюстрирую этот процесс моим собственным примером: если я скажу: «Мой начальник – змея»¹, я присваиваю своему начальнику определенные абстрактные компоненты, такие как подлость и злоба, которые обычно ассоциируются со змеей.

Согласно Бейтсону, «...любые мысли были бы совершенно невозможны в мире, в котором не существовало бы отведение. Метафора, мечты, притча, аллегория, всё искусство, вся наука, вся религия, вся поэзия, мифология..., организация фактов в сравнительной анатомии – всё это случаи или механизмы отведения...» [7 : 158].

Иными словами, мы понимаем идеи и мир природы, узнавая «образцы, которые связывают» их с другими идеями, вещами или природными явлениями. Бейтсон предложил термин *отведение* для этого фундаментального когнитивного процесса².

¹ По всей видимости, по-русски в такой фразе более уместна была бы начальница, а не начальник. – *Прим. перев.*

² Бейтсон [8 : 186] цитирует использование термина «*отведение*» Пирсом [9], который отмечает, что позаимствовал этот термин из формальной логики. Пирс, который также понимает отведение как фундаментальное для человеческого сознания, использует этот термин для обозначения «инференционного шага» в формировании «гипотез» о мире, основанных на наблюдении – то есть «человеческую способность умного угадывания» [9 : 151]. Бейтсон использует его для утверждения метафорического характера как разума, так и природы, где, таким образом, и находятся «образцы, которые связывают». Именно в этом смысле *отведение* интересует меня здесь, и именно у Бейтсона я заимствую это понятие. (Я благодарна Питу Беккеру, Полу Фридриху и Майклу Силверстайну за полезные обсуждения отношений между пониманием отведения Бейтсоном и Пирсом и за знакомство с ключе-

1.3. Политропия (polytropy)

В своем очерке «Политропия» [11] и в своей книге «Языковой параллаксы» [12] Фридрих также предлагает теоретическую базу для понимания того, как язык «работает». Как указано в подзаголовке книги «Лингвистическая относительность и поэтическая недетерминированность», Фридрих исследует «лежащий в основе всего хаос» и «поэзию, которая есть в каждом говорящем» [11 : 153]. Стремясь «улучшить» [11 : 6] наше понимание лингвистической относительности, он подчеркивает индивидуальное воображение. Как и Бейтсон, Фридрих считает центральным в создании и восприятии смысла на языке «...более мощный и всеобъемлющий процесс аналогии, а говоря языком психологии – ассоциации, который включает метафоры и многие другие тропы...» [11 : 30]. В более позднем очерке Фридрих выделяет «основанные на аналогии тропы» (analogically-based tropes), такие как метафоры и сравнения, и «тропы смежности» (contiguity tropes), такие как метонимия и синекдоха.

Метафора, наиболее широко известный троп, который Фридрих [12] называет «главным тропом» (master trope) (в действительности многие говорящие используют термин «*метафора*» в широком смысле для обозначения любого образного использования языка), имеет место, когда об одном говорят в терминах другого. Пример, который я привела выше: «*мой начальник – змея*», – метафора. Об одном предмете – человеке – говорят в терминах другого предмета – рептилии. Сравнение, напротив, есть эксплицитная фиксация сходства одной вещи с другой; указанием на то, что «работает» сравнение, а не метафора, является сравнительное слово «*как/словно*», как в фразе «*Моя любовь словно красная-красная роза*». Это утверждение эксплицитно сравнивает один предмет – человека – с другим предметом – цветком, а не говорит о человеке в терминах цветов. При метонимии смысл передается через ассоциированное понятие, как в поговорке: «*He who lives by the sword, dies by the sword*» 'Тот, кто живет с мечом, умрет от меча'. Здесь слово «меч» понимается в значении «война» или «бой», деятельность, с которой ассоциировано оружие. Синекдоха является тропом,

выми местами в текстах Пирса. То, которое я цитирую здесь, было найдено Фридрихом.) Анонимный рецензент отметил, что примерно в то же время, когда Бейтсон разрабатывал свою концепцию отведения, Брунер [10] разрабатывал близкую концепцию, что аналогия имеет фундаментальное значение для познания.

где часть обозначает целое или наоборот. Так, «седобородый» (*graybeard*) может означать «старик», и «закон» может означать «полицейский».

Эти (и многие другие) тропы «работают» путем отведения, потому что их значение вытекает из отношений между одним предметом и другим. Иными словами, они передают значение по ассоциации, посредством «шага в сторону», или, в терминологии Бейтсона, по «образцам, которые связывают». Фридрих показывает, что эти тропы не ограничены эксплицитными поэтическими языковыми контекстами, но широко распространены в повседневной речи и имеют фундаментальное значение для человеческого воображения.

1.3.1. Языковая деятельность (linguaging)

В книге «За пределами перевода» Беккер [13 : 185] утверждает, что «Все случаи языковой деятельности есть то, что в языке ява называется *jarwa dhosok*, когда берут старый язык (*jarwa*) и помещают (*dhosok*) его в новые контексты». Ключевым здесь является термин «языковая деятельность» (*linguaging*), который Беккер предпочитает более статичному «языку» (*language*):

«Язык, таким образом, является системой правил и структур, которые, в сосюрсовском смысле, соотносят значения и звуки, где оба – вне его. Язык, по сути, это словарь и грамматика.

Языковая деятельность, в свою очередь, это контекстное образование... Языковую деятельность можно понимать как взятие из памяти старых текстов и переформирование их в текущих контекстах» [13 : 9].

По мнению Беккера, слова в текущем контексте формируют значения по ассоциации с их прежними контекстами – то есть путем отведения. Важно отметить, что контекст не является ранее существовавшим, а создается при использовании языка. Таким образом, «языковая деятельность... является контекстным образованием».

Беккер описывает способы, которыми язык создает контекст, выделяя шесть типов контекстных отношений, которые «работают» как ограничения на текст. Это:

- 1) структурные отношения (частей к целому);
- 2) родовые отношения (текста к предшествующему тексту);
- 3) медиальные отношения (текста к средствам);
- 4) межличностные отношения (текста к участникам в текстовом акте);
- 5) референционные отношения (текста к природе и «к миру, который, как верят, лежит вне языка»);

б. отношения молчания (текста к несказанному и неизъяснимому) [13 : 186].

Такое понимание языка как ряда контекстуальных отношений лежит в основе беккеровской концепции «лингвистики особенностей», где языковые модели не существуют предварительно как абстракция, а возникают в дискурсе из переформирования предшествующих случаев использования языка или «предшествующего текста».

1.4. Диалогичность

Еще один ученый, чья теория языка, по моему мнению, близка Бейтсону, Фридриху и Беккеру, – русский семиотик Бахтин, а именно: его труды по «диалогичности». Это понятие относится не к буквальному созданию диалога, а к «диалогу» между текущим использованием языка, с одной стороны, и предшествующими использованиями языка, с другой, подобно *jarwa dhosok* у Беккера.

Бахтин [14 : 87] (1952–1953) объясняет: «Когда мы выбираем слова в процессе построения высказывания, мы далеко не всегда берем их из системы языка в их нейтральной, словарной форме». (Это будет «языковая деятельность» Беккера, словарь и грамматика.) Вместо этого, продолжает Бахтин, «Мы берем их обычно из других высказываний, и прежде всего из высказываний, родственных нашему по жанру, то есть по теме, по композиции, по стилю». (То есть, по Беккеру, «предшествующий текст» и «родовые отношения».) Затем, как и Беккер, Бахтин объясняет, что смысл формируется не столько из словарных определений слова и декодирования грамматики, сколько из ассоциаций с предшествующими случаями использования языка, которые были пережиты говорящим ранее. То есть в том смысле, в каком текущее высказывание находится в «диалоге» с предшествующими высказываниями.

Для всех этих теоретиков языка смысл, который говорящий передает или избирает через посредство слов в интеракции, обусловлен тем, как эти слова были использованы ранее. Поскольку это значение передается скорее имплицитно, чем эксплицитно, оно косвенное. В настоящей статье я расширяю эти понятия значения по ассоциации – отведения Бейтсона, политропии Фридриха, языковой деятельности Беккера и диалогичности Бахтина, предположив, что значение в интеракции формируется не только из ассоциации со словами других людей, но и из ассоциаций с идентичностями других людей, предположительно, не только этими словами, но и голосами, которые эти слова создают.

Я проиллюстрирую это примерами из типа диалога, который я называю *чревовещанием*, – искусственно построенного диалога. Я покажу, что говорящие, которые чревовещают, тем самым принимают на себя, в результате процесса отведения, характеристики, ассоциированные с теми, чьи голоса они изображают. Другими словами, они заимствуют идентичности других людей.

2. Голоса в интеракции

Я использую термин «чревовещание» для обозначения случаев, в которых говорящий строит свои высказывания как изображающие голоса других. Я полагаю, что тем самым говорящие заимствуют идентичности, временно присвоив себе характеристики, ассоциированные с теми, кого они изображают. Таким образом, как я уже подробно говорила в другом месте [15], хотя высказывания принимают форму того, что часто называют «прямой речью», они ни в коей мере не являются «передачей» речи, которая была произнесена ранее. Напротив: построение высказывания как диалога является для говорящих способом передать их собственные идеи. В двух следующих примерах будет очевидно, что те, чьи голоса таким образом изображались, на самом деле ранее не произносили эти слова, поданные как их диалог, потому что они не способны говорить. В одном случае «процитированный» говорящий – это ребенок, который еще не родился, а в другом – собака. Чревовещающая говорящая точно не передает слова, ранее произнесенные эмбрионом или собакой, а, скорее, заимствует идентичность будущего ребенка или животного, чтобы выразить свои собственные мысли. Почему и как говорящий делает это, и является предметом моего анализа.

За рамки данной статьи выходит глубокое теоретизирование, как и подробный обзор исследований, связанных с данной проблемой, о моем понимании искусственно построенного диалога (как я делаю в [15]) и чревовещания (как я делаю в [16]). Отмечу кратко только, что многие антропологи и лингвисты описывали практики говорения взрослыми за неговорящего ребенка, включая Бейтсона и Мида [17] в их классическом исследовании характера жителя Бали, Шиффелина [18] о народе калули Папуа-Новой Гвинеи и Сколлона [19] о повседневных разговорах представителей американского среднего класса³.

³ Я благодарна Сколлону за привлечение моего внимания к работе Бейтсона и Мида. Дополнительную информацию о предшествующих исследовани-

Моя цель здесь состоит не в том, чтобы развивать и обсуждать концепцию чревовещания, а скорее в том, чтобы проиллюстрировать конкретное использование отведения в интеракции и продемонстрировать, что оно является одним из видов косвенности.

Приведенные ниже примеры взяты из масштабного исследования семейного дискурса, где оба родителя в каждой из четырех семей носили небольшие цифровые магнитофоны в течение, по крайней мере, недели, записывая все, что они сказали, и все, что было сказано в их присутствии (то есть все, что они могли комфортно записать). Впоследствии записи были расшифрованы и транскрибированы участниками проекта совместно с родителями. (Более полное описание исследования и семей см. в [20]).

2.1. Пример 1: изображение отсутствующей жены / матери

В примере 1 отец и его дочь студенческого возраста вместе готовят обед на семейной кухне. Когда дочь готовит салат, ее отец просит, чтобы она положила больше салатных листьев. Но вместо того, чтобы попросить или скомандовать прямо наподобие: «Положи больше салатных листьев в салат», он строит свою реплику как изображающую голос жены. Вот как идет разговор⁴:

ях и дальнейшее теоретическое обсуждение проблемы чревовещания см. в [16].

⁴ Правила транскрипции :

((слова)) Двойные скобки заключают комментарии исследователя

/слова/ Слэши заключают неразборчивую транскрипцию

- Дефис указывает усеченное слово или гортанный взрыв, т.е. резкое прерывание дыхания

. Точка указывает понижение интонации на конце высказывания

, Запятые – финальную интонацию фразы (еще не все)

? Знак вопроса – восходящую интонацию

! Восклицательный знак – анимированный тон (под кого-то)

СЛОВА Заглавные буквы – эмфатическое выделение

<смеется> Угловые скобки заключают описания вокальных шумов. Они также заключают описания того, в какой манере высказывание было произнесено, до закрытого правой угловой скобкой > слова

[слова][слова] В квадратных скобках даны одновременные разговоры. Перекрывающие друг друга разговоры также выстроены вертикально на странице

: Двоеточие указывает на удлиненные гласные

: : Дополнительные двоеточия указывают на дальнейшее удлинение.

<u>Father</u> : Oo! And olives, oh.	<u>Отец</u> : О-о! И маслины, о.
Now your mom would say,	Теперь твоя мама бы сказала :
“Oh, you need more lettuce!”	«О, надо больше салатных листьев!»
<u>Daughter</u> : Yeah, I was just gonna put more lettuce into it.	<u>Дочь</u> : Да, я как раз собиралась положить больше салатных листьев.

Замечание «О, надо больше салатных листьев!» является примером чревоуважения, потому что отец строит свою реплику – побуждение – как то, что «мама бы сказала». Согласно схеме Гоффмана [21], он позиционирует себя в качестве передатчика мнения жены, а не автора собственного. Он ведет себя здесь как актер, который произносит свои реплики в пьесе⁵. Иными словами, он использует способность изображать жену в качестве ресурса в разговоре. В дополнение к вводу своего высказывания с «мама сказала бы», а также эксплицитному оформлению своего побуждения как реплики жены, он также косвенно помечает его как построенный искусственный диалог, начав с дискурсивного маркера «oh». (Трестер [23], опираясь на положение Шиффрин [24] о том, что «oh» маркирует изменение в ориентации на информацию, отмечает, что «oh» часто функционирует как маркер высказывания как построенного искусственного диалога и, как правило, как диалога, который в некотором роде вступает в конфликт с замыслом предшествующего дискурса, как это происходит здесь).

Процесс, в результате которого слова отца передают смысл, есть косвенность, а также отведение. Его команда косвенная, поскольку, согласно словарным дефинициям его слов и правил синтаксиса, он не говорит дочери, что делать, а просто цитирует, что

⁵ Может быть, стоит отметить, если нашей целью является понимание косвенности в интеракции, что многих людей раздражают косвенные директивы, подобные этим. Это проявляется и в примере косвенности, который я обсуждаю в другом месте [22], которая также была в разговоре о приготовлении салата. В том примере молодая женщина, придя домой из колледжа, готовит салат, а ее мать спрашивает: «Ты собиралась резать эти помидоры на четыре части?» Дочь отвечает: «Что-то не так с ними?» – «Нет, нет, – отвечает ей мать, – просто лично я нарезала бы их кольцами». Дочь продолжает резать помидоры, но потом она сообщила, что подумала про себя: «Я не могу ничего сделать без того, чтобы мама не сказала, что она сделала бы это по-другому?»

сказала бы ее мать. Более того, это было бы косвенным, даже если бы он сделал это заявление своим голосом, а не жены, потому что он и в этом случае будет не произносить команду, а описывать требуемое (больше салатных листьев), оставив на усмотрение дочери, будет ли она исполнять это требуемое и как. Используя косвенность, он избегает того, чтобы производить впечатление, что отдает команду. Тут нет, конечно, никакой двусмысленности: совершенно очевидно, что он говорит дочери, чтобы она положила больше салатных листьев в салат. Из ее ответа («Да, я как раз собиралась положить больше салатных листьев») становится ясно, что она интерпретирует его высказывание именно так⁶.

То, что эта интеракция представляет собой пример косвенности, достаточно очевидно. Я полагаю, однако, что понятие отведения свидетельствует о большей «работе», проделанной отцом, говорящим голосом жены, чем свидетельствовала бы одна лишь констатация косвенности. Строя свое косвенное побуждение как высказывание жены, он не только дистанцируется от побуждения, но и заимствует характеристики, ассоциированные с женой: опыт, чтобы решить, сколько салатных листьев требует салат, и авторитет, потому что обед обычно готовит она, чтобы руководить действиями их дочери, новичка в кулинарии. Поскольку эти характеристики ассоциированы с идентичностью жены, мы можем говорить о процессе, в результате которого он заимствует их, как об отведении, и понимать отведение как средство заимствования чужой идентичности.

2.2. Пример 2: изображение собаки

В следующем примере мать заимствует идентичность домашнего животного для того, чтобы похвалить сына за то, что тот убрал игрушки, а затем преподать ему урок морали.

Семья, из дискурса которой взят этот

⁶ Я поддерживаю связь с семьями, в которых был записан их разговор для данного исследования в 2000 г. При написании этой статьи я послала матери в этой семье электронное письмо, спросив ее об этом разговоре. Она ответила по электронной почте от 30 мая 2007 г., что во время записи на пленку она выполнила большую часть подготовки для семьи, но ее муж часто готовил салат. Интересно, она отметила, что он был склонен класть больше ингредиентов, чем она сама, так что вполне возможно, что он действительно был склонен блюсти ее предпочтения, а не свои собственные, когда предложил больше салатных листьев. Мнение матери было, что он, скорее всего, сообщал о предпочтениях их обоих.

пример, держит двух собак, мопсов, которые часто бывают включены в разговор. Мать, Клара, в частности, часто говорит либо с собаками, либо за собак высоким голосом, который безошибочно маркирует ее реплики как изображающие голоса собак. В более раннем исследовании, посвященном чревоуещанию собак [16], я приводила пример, где Клара обращалась к одной из собак этим высоким голосом, чтобы отчитать своего сына Джейсона, ребенка около пяти лет, за то, что тот не убрал игрушки. В том примере Клара сказала: «Мы непослушные, но мы не такие непослушные, как Джейсон. Он непослушнее». Таким образом, она смягчила свою критику путем введения нотки юмора.

В настоящем примере Джейсон не был непослушным вообще. Напротив, он убрал не только свои собственные игрушки, но и вещи, которыми семья пользуется, чтобы играть с собаками. По аналогии с объектами, которыми играет Джейсон, эти предметы называются в семье «игрушки собак» – что само по себе процесс означивания по ассоциации, или отведения. Клара хвалит Джейсона за его хорошее поведение, обращаясь сначала к Джейсону, а затем – к собаке, Тейтеру, чьи игрушки мальчик убирает. После похвалы Джейсона голосом Тейтера Клара заимствует идентичность Тейтера, чтобы преподать сыну урок правил общежития. Она высмеивает собаку как члена семьи, который ожидает, что другие сделают для него вещи, которые он должен делать для себя сам: морально ущербная идентичность, которую она противопоставляет идентичности Джейсона и имплицитно учит Джейсона не делать так. Вот как идет разговор:

((short pause, dogs barking))

Jason : I'm gonna put some of Tater's toys in there.

Mother : <exhales>

Jason : Where's Tater's [toys]

Mother : [Put] your shoesies on.

((short pause))

Good job!

Jason : I'm putting his/

Mother : <high-pitched> Tater,

he's even puttin' your toys away!

Tater says,

<funny voice> "Yes, I never put them away.

I consider my family to be a sl- a slew of maids,

((небольшая пауза, лай собак))

Джейсон : Я хочу положить игрушки Тейтера сюда.

Мать : <выдыхает>

Джейсон : Где [игрушки] Тейтера

Мать : [Положи] свои ботиночки.

((небольшая пауза))

Молодец!

Джейсон : /Я кладу его/

Мать : <высоким голосом> Тейтер,

он убирает даже твои игрушки!

Тейтер говорит :

<смешным голосом>

«Да,

я никогда их не убираю.

Я считаю, моя семья

servants".>>
((short pause))

должна быть то- толпой горничных, слуг». >>
((небольшая пауза)).

Высокий «смешной» голос маркирует высказывания Клары как ориентированные на собаку, как будто она разговаривает с ней («Тейтер, он убирает даже твои игрушки!») или как она («Да, я никогда их не убираю»). Падение «g» в «*puttin'*» является еще одной характеристикой регистра, который Клара часто использует, строя свои высказывания как юмористические и неофициальные. Обращаясь сначала к собаке, а затем – говоря как собака, она превращает диалог в своеобразное представление, в котором утверждение и ответ драматизируют ее точку зрения.

Клара адресует похвалу Джейсону прямо: «Молодец!». Но урок правил общежития она дает ему косвенно. Она не говорит Джейсону: «Ты хороший, потому что ты не ожидаешь от других, что они сделают что-то за тебя, как если бы твои родители были твоими слугами». Она передает этот смысл, говоря как Тейтер, используя его воображаемый голос, чтобы охарактеризовать его как противоположность Джейсона: член семьи, который никогда не убирает свои игрушки, тем самым заставляя других делать его работу. Чтобы донести эту точку зрения, Клара заимствует аспекты идентичности собаки, такие как отсутствие личной ответственности и высокомерие в ожидании от других, чтобы ему прислуживали. Помимо того, что они косвенные, высказывания Клары передают смысл путем отведения. Если Джейсон не станет убирать свои игрушки, эти характеристики перейдут к нему.

2.3. Пример 3: изображение ребенка, который еще не родился

В следующем примере, взятом из дискурса третьей семьи, говорящий также заимствует идентичность того, кто не может говорить, для того чтобы выразить неодобрение в адрес другого члена семьи. Мать заимствует идентичность ребенка, рождения которого супружеская пара ожидает, для того чтобы побудить ее мужа что-то сделать и охарактеризовать его бездействие как пренебрежение своими обязанностями.

Жена в этом примере, Джанет, беременна вторым ребенком, как уже известно, мальчиком. В этом разговоре она обвиняет мужа, Стива, в том, что тот не готовится должным образом к предстоящему рождению ребенка. «Запись» означает запись в журнале, в который будущие родители записывают свои мысли и эмоции о том, как они

ожидают рождения ребенка. «Твои книги» означает книги, в которых содержатся консультации и рекомендации по воспитанию детей. Вот этот разговор:

Mother : Now I have a bone to pick with you.

Father : Oh Christ, what now.

Mother : <brief laugh> Look, you haven't written one entry.

((short pause))

When you say you have nothing to do You could write an ENTRY. You don't read your books, <chuckling> you don't do your entries>

What will your SON think when he looks at that?

He'll say,

“What's up Dad?

What about my- when I : was coming into the world,”

And you'll have to say,

“Son, I couldn't be bothered.”

Мать : Теперь у меня есть свои счеты с тобой.

Отец : О Боже, что же теперь.

Мать : <короткий смех> Послушай, ты не сделал запись.

((небольшая пауза))

Когда ты говоришь, что тебе нечего делать, ты мог бы сделать ЗАПИСЬ. Ты не читаешь твои книги,

<усмехаясь> ты не делаешь твои записи>

Что подумает твой

СЫН, когда он посмотрит на это?

Он скажет :

«Чего это папа?

А как же я- когда я : входил в мир»,

И тебе придется сказать:

«Сынок, я не мог заботиться».

Джанет, как и Клара в предыдущем примере, драматизирует диалог, который представляет собой как бы сценку в пьесе. Сначала она говорит голосом ребенка, который еще не родился («Он скажет: “Чего это папа? А как же я- когда я: входил в мир”»). Таким образом, она заимствует аспекты идентичности ребенка: его невинность, уязвимость и потребность во внимании отца. Другой аспект личности ребенка, который она заимствует, – его прогнозируемое соперничество с сестрой. Растягивая «я» («когда я: входил в мир»), она имплицитно противопоставляет отсутствие записей в журнале, предшествующих его рождению, многочисленным записям, которые Стив делал в журнале, когда родители ожидали рождения их первенца, старшей сестры ребенка, ожидаемого сейчас.

Джанет продолжает говорить голосом Стива, высмеивая его поведение и тем самым характеризую его отрицательно. Когда она говорит: «“Сынок, я не мог заботиться”», она постулирует равнодушие в качестве причины отсутствия заботы Стива, а не, скажем, переутомление. (В то время Стив поддерживал семью, работая на трех работах). Инициальная жалоба Джанет прямая: «Теперь у меня есть свои счеты с тобой», «ты не сделал запись». Однако ее обвинение в пренебрежении своими обя-

занностями является косвенным: оно имплицитно позицией, которую она выражает чрезовещанием, изображая сначала их ожидаемого ребенка, а потом самого Стива. Это обвинение «работает» путем отведения, потому что самая резкая критика выводится из личностных характеристик, создаваемых ее диалогом: уязвимость ребенка и равнодушие Стива к своему ребенку. Чрезовещание позволяет ей заимствовать эти идентичности, чтобы высказать свою точку зрения.

2.4. Пример 4: изображение самого себя

Пример 4 также взят из разговора с участием Джанет и Стива. Здесь чрезовещающий говорящий – их дочь, Натали, необычайно словоохотливая девочка в возрасте около трех лет. Синтия Гордон [25] показала, что эта семья часто играет в ролевые игры, особенно со сменой ролей, когда Натали играет роль мамы, а маме присваивает роль Натали. Часто Натали разыгрывает таким образом интеракции, в которых она плохо себя вела, а мать наказывала ее. Гордон показала, что эти ролевые игры выполняют много функций, в том числе: дают Натали возможность пересмотреть свое поведение; позволяют матери высмеять поведение Натали способом, который драматизирует его абсурдность; а также дают Натали и ее матери возможность приятной совместной деятельности. Ролевая игра также часто для Натали выполняет функцию способа продлить общение с матерью или отложить деятельность, которой она хочет избежать, например, отправиться спать. Диалог в Примере 4 является достаточно типичным в том смысле, что он воспроизводит реальную интеракцию и иницируется Натали, которая распределяет роли. Но он немного отличается от других тем, что Натали играет роль папы, а роль Натали присваивает своей кукле. Это составляет Джанет в ее реальной роли мамы (что может объяснить ее инициальное временное недоумение). Джанет, тем не менее, принимает участие в ролевой игре, говоря «игрушечным голосом», а не своим реальным голосом и говоря так, как будто бы кукла была Натали.

Джанет и Стив купают Натали, что она любит, и вымыли ей голову, чего она не любит. Особенно она не любит, когда вода падает на лицо, когда ее льют на голову, чтобы прополоскать волосы. Интеракцию, которая имела место непосредственно перед этим событием, можно увидеть в следующей ролевой игре с Натали, приписываемой кукле слова, которые она сама сказала, и ее матерью, воспроизводящей «иг-

рушечным голосом» слова, которые говорятся родителями Натали.

Natalie : You're Mommy,
Mother : I'm Mommy?
Natalie : I'm Daddy and you're Mommy. Yeah.
Mother : And she : 's Natalie.
Natalie : <play voice> Natalie,
Mother : do you wanna hold a wash cloth over your face when we rinse?>
 She says "No!"
Natalie : <play voice> But Natalie
Mother : the water will get in your face! Daddy what should we do?>
 Why she doesn't want the wash cloth?
Natalie : <play voice> I don't know Daddy.
Mother : Maybe you can ask her.>
 (She's-) Natalie,
Natalie : do you want the wash cloth?
 <play voice> What did she say?>
Mother : She said "No!"
Natalie : <play voice> Well how are we gonna rinse, Daddy??>
Mother : I asked her and she said "No!"
Natalie : <play voice> Oh boy!
Mother : Well I guess you just have to get water in your face Natalie! Here comes the buckets.
 Help Daddy count the buckets.
 One, [twooo, three,>] [twooo, three].
Natalie : Do you want the wash cloth?
 I asked her and she said, "Yes!"

Натали : Ты мама,
Мать : Я мама?
Натали : Я папа, а ты мамочка. Да.
Мать : А она : : Натали.
Натали : <игрушечным голосом> Натали,
Мать : ты хочешь мочалку на лицо, когда мы полощем?>
 Она говорит : «Нет!»
Натали : <игрушечным голосом> Но Натали
Мать : вода попадет тебе на лицо!
 Папа, что же нам делать?>
 Почему она не хочет мочалку?
Натали : <игрушечным голосом> Я не знаю, папа.
Мать : Может быть, ты спросишь ее.>
 (Она-) Натали,
Натали : хочешь мочалку? <игрушечным голосом>
 Что она сказала?>
Мать : Она сказала: «Нет!»
Натали : <игрушечным голосом> Ну, и как же мы будем полоскать, папа?>
Мать : Я спросила ее, и она сказала : «Нет!»
Натали : <игрушечным голосом> О!
Мать : Ну, я думаю, ты просто хочешь воду себе на лицо, Натали! А вот и ведра.
 Помоги папе сосчитать ведра.
 Раз, [двааа, три,>] [двааа, три].
Натали : Ты хочешь мочалку?
 Я спросила ее, и она сказала : «Да!»

Этот пример забавный, потому что говорящему, который так искусно чревоуещает, всего три года. Пример интересен также тем, что членом семьи, которого изображает Натали, является она сама: она изображает свой собственный голос, но подает его так, как будто бы он был голосом куклы, позицио-

нируя себя не как субъекта своего настроения, а как передатчика настроения куклы.

Этот пример ролевой игры, как и многие другие подобные случаи, которые проанализировала Гордон [25, 26], выполняет несколько функций. Я остановлюсь только на чревоуещании Натали. Говоря за свою куклу, Натали заимствует идентичность куклы, чтобы дистанцироваться от своего первоначального отказа и последующего согласия взять мочалку, чтобы вода не попала в глаза. Возможно, более точно было бы сказать, что она проецирует себя на куклу путем заимствования ее идентичности. В любом случае, Натали косвенно сообщает, что она знает, что вела себя глупо, отказываясь от мочалки. Через отведение чревоуещание позволяет Натали пересмотреть свое поведение и проанализировать его со своей собственной точки зрения, как и с точки зрения своих родителей. (Это также позволяет ей получить удовольствие от времяпрепровождения с родителями и продлить игру в ванне).

3. Дискуссия

Во всех четырех примерах говорящие транслируют свои идеи путем оформления их как диалога, подобно тому как драматург транслирует идеи, вкладывая их в уста персонажей, чьи голоса драматурги придумывают. Изображенные таким образом члены семьи используются в качестве ресурсов в интеракциях говорящих. Чревоуещание голосов других (а в последнем примере – своего собственного голоса) позволяет говорящим дистанцироваться от слов, которые они произносят. В примере 1 отец дистанцирует себя от команды, которую он дал дочери относительно приготовления салата, как бы говоря: «Это не я говорю тебе, как готовить салат, а твоя мать». Мать в примере 2, говоря за собаку, дистанцирует себя от нравования, которое она преподносит сыну: «Я не имею в виду, что ты иногда не убираешь свои игрушки, это собака совершает такой плохой поступок». Мать в примере 3 дистанцирует себя от критики, которую она выражает мужу: «Я не та, кто страдает от твоего пренебрежения своими обязанностями: это твой сын, который родится». И ребенок в примере 4 дистанцирует себя от своего первоначального отказа следовать совету родителей, а затем от своей перемены решения: «Я знаю, что было глупо не соглашаться класть мочалку на лицо, так как я все равно собиралась в конце концов согласиться».

В дополнение к дистанцированию себя от потенциально грозящих потерей лица аспектов своих высказываний (или, в случае На-

тали, ее действий) говорящие, которые чрево вещают, заимствуют идентичности тех, чьи голоса они изображают, для того чтобы присвоить себе характеристики тех, кого они представляют: в примере 1 – авторитет жены как хорошего кулинара; в примере 2 – высокомерие собаки в нежелании убирать «ее игрушки»; а в примере 3 – уязвимость ребенка, который вот-вот родится. Во всех этих примерах говорящие не принимают эксплицитно эти характеристики – они заимствуют их, говоря голосами тех, у кого они есть. Пример 4 немного отличается от остальных. Хотя Натали говорит за куклу, идентичность, которую она представляет голосом куклы, ее собственная. Я полагаю, что она заимствует «идентичность» куклы, чтобы дистанцироваться от самой себя и пересмотреть свое собственное поведение: во-первых, ее неповиновение в сопротивлении советам родителей накрыть лицо молчалкой, а во-вторых, ее изменчивые настроения. Во всех примерах говорящие используют чрево вещание, чтобы создать смысл косвенно, путем отведения.

4. Заключение

Я предположила, что обращение к понятию *отведения* Бейтсона углубляет наше понимание косвенности и что *отведение*, процесс формирования значения по аналогии, также лежит в основе понятия *политропии* Фридриха, *языковой деятельности* Беккера и *диалогичности* Бахтина. С помощью этих теоретических положений, как фона, я описала и проиллюстрировала дискурсивную стратегию, которую называю *чрево вещанием*: путем представления своего высказывания как голосов других, говорящие заимствуют идентичности этих других, для того чтобы временно присвоить себе характеристики, ассоциированные с этими другими. Я показала, что члены семьи используют чрево вещание в качестве ресурса в интеракции: отец – чтобы сказать своей дочери, как готовить салат; мать – чтобы призвать своего ребенка убирать за собой игрушки; жена – чтобы призвать ее мужа быть более внимательным будущим отцом; и ребенок – чтобы задуматься над своим непосредственно предшествующим поведением и чтобы продлить удовольствие от интеракции с родителями. Я утверждаю, наконец, что такое понимание чрево вещания как случая отведения обеспечивает более глубокое понимание косвенности в интеракции.

REFERENCES

1. Lakoff R. The logic of politeness, or minding your p's and q's. *Papers from the Ninth Regional Meeting of*

the Chicago Linguistics Society. Eds. C. Corum, T. C. Smith-Stark, A. Weiser. Chicago, 1973, pp. 292–305.

2. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. New York, 1975. 83 p.

3. Lakoff R. T. Why you can't say what you mean [Review of: Newman E. Strictly speaking]. *Centrum*, 1976, no. 4, pt. 2, pp. 151–170.

4. Tannen D. Communication mix and mixup, or how linguistics can ruin a marriage. *San Jose State Occasional Papers in Linguistics*. Ed. M. Noonan. Iss. 1. San Jose, 1975, pp. 205–211.

5. Tannen D. *I Only Say This Because I Love You: Talking to Your Parents, Partner, Sibs, and Kids When You're All Adults*. New York, 2001. 368 p.

6. Tannen D. Introduction to Revised Edition. *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. Cambridge, 2007, pp. 3–20.

7. Bateson G. *Mind and Nature: A Necessary Unity*. New York, 1979. 220 p.

8. Bateson G. *A Sacred Unity: Further Steps to an Ecology of Mind*. Ed. R. E. Donaldson. New York, 1991, pp. 60–102.

9. Peirce C. R. Abduction and induction. *Philosophical Writings of Peirce*. Ed. J. Buchler. New York, 1955, pp. 150–156.

10. Bruner J. S. *Beyond the Information Given: Studies in the Psychology of Knowing*. New York, 1973. 528 p.

11. Friedrich P. Polytrophy. *Beyond Metaphor: The Theory of Tropes in Anthropology*. Ed. J. W. Fernandez. Stanford, 1991, pp. 17–55.

12. Friedrich P. *The Language Parallax: Linguistic Relativism and Poetic Indeterminacy*. Austin, 1986. 206 p.

13. Becker A.L. *Beyond Translation: Essays Toward a Modern Philology*. Ann Arbor, 1995. 456 p.

14. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Speech Genres and Other Late Essays*. Eds. C. Emerson, M. Holquist. Vern W. McGee (Trans.). Austin, 1986, pp. 60–102.

15. Tannen D. *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. Revised edition, Cambridge, 2007. 244 p.

16. Tannen D. Talking the dog: framing pets as interactional resources in family discourse. *Research on Language and Social Interaction*, 2004, no. 37, pt. 4, pp. 399–420. Reprinted in: *Family Talk: Discourse and Identity in Four American Families*. Eds. D. Tannen, S. Kendall, C. Gordon. New York, 2007, pp. 49–69.

17. Bateson G., Mead M. *Balinese Character: A Photographic Analysis*. New York, 1942. 277 p.

18. Schieffelin B. B. *The Give and Take of Everyday Life: Language Socialization of Kaluli Children*. Cambridge, 1990. 278 p.

19. Scollon R. On the ontogenesis of a social actor. From object to agency in babytalk. *Mediated Discourse: The Nexus of Practice*. London, 2001, pp. 86–112.

20. *Family Talk: Discourse and Identity in Four American Families*. Eds. D. Tannen, S. Kendall, C. Gordon. New York, 2007. 344 p.

21. Goffman E. *Forms of Talk*. Philadelphia, 1981. 335 p.

Переводы

22. Tannen D. *You're Wearing THAT?: Understanding Mothers and Daughters in Conversation*. New York, 2006. 304 p.

23. Trester A. M. *Oh-prefacing in quotatives: Implications for speaker stance, alignment, and style*. Paper presented at the annual meeting of the Linguistic Society of America, January 4–7, Anaheim, 2007 (unpublished).

24. Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge, 1987. 376 p.

25. Gordon C. «I'm Mommy and You're Natalie»: role-reversal and embedded frames in mother-child discourse. *Language in Society*, 2002, no. 31, pt. 5, pp. 679–720.

26. Gordon C. Repetition and identity experimentation: one child's use of repetition as a resource for «trying on» maternal identities. *Selves and Identities in Narrative Discourse*. Eds. M. Bamberg, A. De Fina, D. Schiffrin. Philadelphia, 2007, pp. 133–157.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике